

03

Interviewer

Подборка интересных интервью

Слава Зайцев

фото <http://www.kiselef.com/>

Шинья Кимура

Источник:

<http://www.lookatme.ru/flows/furfur-blog/posts/123057-lichnoe-delo-intervyu-s-shinya-kimura>

Шинья Кимура — один из самых известных японских инженеров-кастомайзеров мотоциклов. В 1992 году он открыл небольшую мастерскую Chabo, а немногим позже основал компанию Zero. Небольшая мастерская задала целый стиль «зеро-байков» — минималистичных до вычурности, японских от руля до выхлопной трубы.

— Как вы решили бросить все и уехать в Америку, чтобы основать мотомастерскую?

— Когда же у меня возникло это искушение... Калифорния — это мотоциклетный рай, не так ли? Серьезно, находясь в Японии, я думал о том, что здесь больше возможностей, потому что здесь мотокультура гораздо более зрелая, чем на моей родине. Только здесь я встречал шестидесяти-, семидесяти- и даже восьмидесятилетних парней, которые до сих пор соревнуются на своих мотоциклах или тачках. Я подустал от должности директора своей компании Zero, где приходилось давать задания пяти подчиненным механикам. Я не строил больших планов, просто хотел сломить ситуацию и начать сначала, «вернуться к корням», снова заняться делом, уйти с поста управляющего. Я бросил все, переехал в Южную Калифорнию в 2006 году и открыл мастерскую Chabott Engineering.

— В чем философия Chabott Engineering?

— У меня нет никакой философии или миссии. Конструирование байков для меня не философия, а страсть. Я строю только те мотоциклы, о которых могу сказать, что люблю их всей душой, даже если это заказ моих клиентов.

— Первый байк?

— Я первый раз сел за байк в десятилетнем возрасте. У друга моего отца был мопед Honda C100. Он припарковал заведенный мопед рядом с домом. Я сел на байк, газанул и врезался в стену передо мной. Ну а первым мотоциклом стал Suzuki OR50, который я выторговал за мопед Yamaha. То был первый мотоцикл, который я решил кастомизировать. Мне было шестнадцать лет.

— Первая девушка?

— Моей первой девушкой была одноклассница еще в начальной школе.

— Первая пьянка?

— Я хорошо помню тот день — мое шестнадцатилетие. Мои друзья притащили sake, и мы пили до восхода солнца.

— Первая драка?

— В третьем классе я целыми днями дразнил своего одноклассника, который, по моим представлениям, был раза в три меня выше. Он рассердился и задал мне взбучку. Так я узнал, что такое драка.

— Совет отца?

— Доверяй себе и иди своим путем. ♦

Вячеслав Зайцев

Источник:

<http://vladimirpozner.ru/?p=5215>

В.Зайцев: Мода в России не востребована как искусство и как сфера потребления.

— В эфире программа “Познер”. Гостя программы я знаю лет 40 и ни разу не воспользовался его услугами, и совершенно зря, потому что этот гость – художник, модельер Слава Зайцев.

— Здравствуйте, Владимир Владимирович.

— Привет. Я думаю, что публика не удивится, что мы будем на “ты” и по имени. Сорок лет, все-таки.

— Даже больше сорока.

— Да, чуть-чуть больше. У нас вначале - некоторые вопросы наших зрителей, которые приходят на сайт Первого канала. Виталий Михайлович Грызунов: “Вы часто критикуете европейский стиль одежды, называя его тоскливым, когда во всем мире считают, что россияне чересчур ярко самовыражаются через одежду и упрекают нас в безвкусице. Кто прав и что делать?”

— Я думаю, нелепый немножко вопрос, потому что я никогда не упрекаю в серости одежды, поскольку имею возможность постоянно видеть западных художников-модельеров и коллекции. Они неоднозначны. Разные художники по-разному

проявляют себя во времени. Например, последний сезон - вся серо-черная группа. Коллекции и Диора, и Ландена, и прочие крупные художники дали вдруг неожиданный поворот к серо-черному цвету. Рядом с этим потрясающий Жан Поль Готье, Гальяно, которые дают фантастические по цвету коллекции, яркие очень, сочные.

— Так что ты такого не говорил?

— Нет, не может быть такого.

— Значит, человек ошибся. Татьяна Андреевна Теплакова: “Как вы считаете, нужно ли преподавать в школе азы моды? Например, в старших классах ввести уроки “Хороший вкус в одежде” или “Как найти свой стиль” и так далее?”.

— Я считаю это - замечательная идея, просто прекрасно. Потому что я считаю, что вкус надо прививать с детства. Потому что, к сожалению, люди, которые выходят из школы, абсолютно безграмотны, как правило. Если человек сам не пытается проникнуть в этот таинственный мир красоты и моды, то, естественно, получается масса казусов, которые порой превратно действуют на жизнь, которые мешают жить человеку, если он элементарно не знает законов вкуса. Я считаю очень грамотная, великолепная идея.

— Маргарита Туманова: “Почему российская мода до сих пор не может конкурировать с зарубежными брендами? Почему в мире нас почти никто не знает? Неужели у нас нет талантливых модельеров, способных покорить мир?”

— Вы знаете, есть очень много талантливых людей. В силу своей профессии я постоянно езжу по регионам России и регулярно встречаюсь с людьми самых разных профессий,

которые тянутся к красоте. Я могу сказать, что на конкурсах, на которые я попадаю, бывает очень много интересных людей, но, к сожалению, действительно, у нас не востребована мода как искусство, не просто искусство, даже как потребление. Потому что у нас государство не заинтересовано в этом. Если в Париже, во Франции, - маленькая страна, сельскохозяйственная держава имеет такую колоссальную прибыль от моды, то мы, имея огромный простор, огромное количество людей, которые способны принять это, желая быть роскошными... Особенно после падения советской власти это стало востребовано в России. У нас, к сожалению, не понимают, что это просто потрясающий бизнес, великолепный бизнес. Просто подарок людям огромный, если бы это приняло на вооружение наше государство. Но мы одиноки по сей день, мы плаваем в этом пространстве, абсолютно одинокие.

— Марат Денисов: "Вячеслав Михайлович, вы часто выглядите очень ярко. Неординарно, не как все.

При этом говорите: “Я – консерватор”. Диссонанс получается”.

— Нет, я – консерватор в форме, но в цвете – нет. Я избрал для себя форму, нашел в 1992 году, когда начал делать коллекцию по русскому костюму XIX века, городскому костюму. Я взял сюртук, как основу для темы, которая дает возможность мужчине расправить плечи и дать возможность почувствовать не каким-то ущербным существом, а стабильным классным мужиком. Я взял это за основу, и сюртук я ношу уже... Даже вот этот сюртук я уже 12 лет ношу. У меня масса сюртуков. Просто меняю их в цвете. У меня есть и черные, и серые, и полосатые, да все темы сюртуков. В этом мой консерватизм заключается, то есть, есть вкус.

— Владислав Якушев: “Был ли момент у Вас в жизни, когда вы посчитали, что занимаетесь не своим делом?”

— Вы знаете, пожалуй, такого момента не было. Был период, когда я понял, что мое существование немножко бессмысленно. В 1972 году, когда я работал 13 лет в модной индустрии в Советском Союзе в Доме моделей на Кузнецком мосту, у меня был показ в Доме кино. Тогда я помню, было огромное количество народу. За вечер я показал два разных спектакля, свои шоу - в Большом зале и в Белом зале. Потом вышел на улицу после триумфального показа. Серые улицы – ужасно было. Это перед 8 марта было, погода жуткая, с пакетами как всегда. Думаю: “Боже мой, кому это нужно?” Все время спрашивают: “А где это можно купить, где это можно достать?” Я устал от этих вопросов, потому что невозможно было что-то предположить. Был период, когда я вдруг почувствовал... Я ушел из официальной моды и год бездействовал, а потом вернулся.

— Сидоров Евгений Юрьевич: “Скажите, пожалуйста, каков ваш модный приговор российским политикам?”

— Вы знаете что? Если говорить о сегодняшних политиках, то они достаточно стали корректны в одежде, достаточно все упакованы хорошо. Единственное, величина галстука меня смущает у многих наших людей, ведущих политиков (объемы), потому что слишком громоздкие узлы, не всегда в цвет попадают. Но, в принципе, я считаю, что когда они едут на какие-то деловые приемы, то очень неплохо выглядят. Потом мне нравится, что их стиль в одежде достаточно разнообразен – как спортивный стиль, стиль вальяжный, стиль классический, консервативный. То есть уже появилась возможность интерпретации темы костюма. Это радует меня очень.

— Слава Зайцев – это, в общем говоря, бренд. Это бренд реально, их не так много в нашей стране. И говорят, что это сочетание “Слава Зайцев” появилось в какой-то степени, благодаря Молотову. Это как понимать?

— Нет, когда я родился в 1938 году, у нас в квартире висел Молотов в доме, в Иваново. На стене висел портрет Молотова в 1938 году. А папу звали Михаил. Он говорит: “Давай назовем Слава, пускай будет как Молотов, такой выдающийся человек”. Вот видите, а мне не понравилось, потом, когда узнали, что он истязал свою жену, мне очень не понравилось имя Вячеслав Михайлович. Я говорю: “Ребята, не называйте меня Вячеслав Михайлович, пускай я буду Слава Зайцев”. Вот таким образом появился Слава Зайцев.

— Тогда понятно. Хорошо. Цитирую тебя: “Не хочу обшивать вождей” – так называлась статья о тебе в одной из газет. И в тоже время твое имя на протяжении десятилетий упорно ассоциируется с сильными мира сего. Я спрашиваю, дыма без огня не бывает? Все-таки, ты обшивал великих людей.

— Я консультировал великих людей, консультировал. Но не обшивал. Например, у меня были интересные встречи с Косыгиным, с дочерью Косыгина, потом с мадам Шеварднадзе из женщин, потом Фурцева, Екатерина Фурцева – прекрасная совершенно была женщина. Терешкова. А вот таких, как Горбачева и мадам Брежнева – нет, потому что я категорически бежал от этих людей. Да, я пытался не сталкиваться с этими людьми, потому что я знал их... Во-первых, могу рассказать маленькую историю? Интересная история. Был прием в чилийском посольстве, где-то в начале семидесятых годов. Мы пришли, нас пригласили на прием, тем более, что я одевал жену чилийского посла, она очень ко мне была расположена. И во время беседы в этом чилийском посольстве, подошла ко мне Воробей (наша была зам директора по части стукачества) и говорит: "Славочка, вас хотела видеть мадам Брежнева. Вот, подойдите, пожалуйста, в комнату..." Супруга Ильича. Я вхожу в комнату, сидят тетки, такие здоровые тетки, одна и вторая тетка. Она говорит: "Мадам Брежнева, а это Громыко". Громыко такая же здоровая. Так на моем лице такой был испуг, я думал: "Боже мой, неужели мне придется ее одевать?" Просто в то время, вероятно, я не мог ничего другого сказать – ничего в голову не пришло. Потому что, все-таки, увидеть мадам Брежневу и вдруг такую непонятную женщину по форме и по выразительности. Я сказал: "Будьте любезны, пожалуйста, если вам необходима моя консультация, позвоните мне, пожалуйста".

— **Обошлось?**

— Более-менее обошлось.

— **Не врезали, нет?**

— Нет, врезали-врезали мне. У меня инциденты еще были странные. Я однажды пришел, это где-то 1969 год, перед поездкой в Японию (мы должны ехать в Японию с Домом

моделей, с Кузнецким мостом)... Я такой счастливый бегу, волосы у меня были длинные тогда, рассыпались. У меня легкие волосы были всегда очень. Я прибегаю в министерство наше к Тарасову, министру легкой промышленности, встаю около кабинета. Подходит наш начальник отдела кадров министерства и говорит: "Вячеслав Михайлович, вам не кажется, что вы своим внешним видом показываете дурной пример советской молодежи?" Я говорю: "Простите, как? Каким образом?" - "Что у вас за волосы такие странные?" Я говорю: "Простите, если быть последовательным, то вы, простите, как начальник отдела кадров министерства не имеете права ходить в таком платье". Ну и все. Она меня сняла с поездки, и с тех пор меня 20 лет не пускали никуда.

— Понятно. Я, все-таки, процитирую тебя еще раз: "Жен членов правительства я не одевал – это блеф и вранье. Это они так хотели привлечь внимание людей к себе. К нам люди из власти относятся как к рабам. Думают, нам за счастье одеть жену члена правительства на халяву или дочь, или любовницу". Это твои слова?

— Все правильно.

— А ты отказывался одевать Раису Горбачеву – это правда?

— Да, да, да.

— Вроде, говорят, что, все-таки, для Людмилы Путиной ты что-то делал?

— Людмилу Путину я обожаю, эта женщина – совершенно замечательный человек. Я обожаю ее. Это единственный человек, который отнесся ко мне с уважением и как к художнику-модельеру, и как к человеку. У меня с ней чудесные отношения были всегда. По сей день, в общем-то

наш поддерживаем контакт, но сейчас она меньше занимается одеждой.

— Но, все-таки, ты ее?..

— Одевал, да, конечно. Консультировал, да. Я получил огромное удовольствие от общения с ней. Это единственная женщина, которая меня, действительно, подкупила своей простотой и ясностью, как говорится, видения ситуации, в которую попадала она, и умением чувствовать себя очень вальяжно во время примерки, без всяких там... Если Фурцева приходила, она говорила: "Я спешу, у меня 5 минут – мне

больше не надо. Делай то, что считаешь нужным". Понимаете? То здесь было приятно общение. Я чувствовал, ей приятно было со мной общаться и мне тоже. Единственная женщина, от которой я получил огромное удовольствие.

— А как же ты отказался от Раисы Горбачевой? Как это произошло?

— Знаете, дело в том, что я знал ее характер. Потому что люди, которые ей делали, девчонки наши из Дома моделей Кузнецкого моста... Я не хотел попадать в историю, которая была у меня с мадам Косыгиной, вернее, с дочкой Косыгина, поэтому я не хотел этого насилия над собой. Потому что я не понимаю, как можно насиловать человека, который может тебе подарить радость приобщения к красоте. Но она всячески пыталась... Она и в прессе говорила о том, что я ее одеваю. Это уже позже, когда Горбачев ушел с поста, мы встречались в, как говорится, резиденции Горбачева у "Аэропорта" со всей интеллигенцией. Она входит, я говорю: "Раиса Максимовна, ну, скажите, пожалуйста, почему вы все время говорили, что я одеваю? Это же неправда". Она: "Славочка, вам разве это неприятно?" Я говорю: "Вы знаете, мне странно просто". Был такой ответ.

— А, все-таки, скажи, ты отказал ей? Вот, я – Горбачева, и ты мне говоришь: "К сожалению, не буду"? Или ее людям?

— Нет, это опосредственно-опосредственно. Ни в коем случае.

— Это никакими, так сказать, бумерангами не возвращалось на тебя?

— Нет-нет-нет. Нет, наверное, возвращалось, потому что я чувствовал всегда себя собакой на сене в нашей стране, понимаете? Потому что хорошо, что я есть, но лучше, чтобы меня не было.

— Ладно. Чуть другая тема. Ты, вообще, признаешься в том, что есть те, которые специально копят деньги, чтобы заказать костюм у Зайцева. Потом добавляешь, что мода — удел богатых, для всех остальных существует массовая одежда, та, которая просто прикрывает тело. Вообще, дорого пошить у Зайцева?

— Да, достаточно дорого. Но не дороже, чем у других. Я считаю, что то, что я делаю, это более демократично. Но, естественно, я делаю чистый кутюр... Я с удовольствием бы одел людей, с удовольствием бы создал коллекции моделей одежды массового производства, рубашки, трусы, белье и прочее. Все, что человеку нужно, я бы все это делал. Но, к сожалению, мне не повезло очень серьезно с людьми, которые могли бы воспользоваться моим огромным потенциалом, который дарован богом свыше. Вот это ужасная ситуация, что я, как бы, и сам ничего не заработал, и не дал людям заработать, потому что никто не мог взять меня честными руками и сделать из меня, действительно, человека, который мог бы принести пользу отечеству. Потому что я чувствую, что я мог бы очень много подарить людям, потому что я знаю, как сделать любую вещь просто и доступно, и естественно, и ясно. Поэтому, конечно, это очень печально, что так не состоялось. А что касается одежды. Ну как дорого? Относительно дорого, в пределах тысячи, двух тысяч. Я могу сказать: у меня костюм можно заказать от тысячи до полутора тысяч долларов, предположим.

— Я могу тебе сказать, что я был года два тому назад в "Шанель", в Париже, и они показывали мне платья уникальные, которые есть в одном экземпляре, которые они шьют для одного человека и больше ни для кого.

— И сколько стоят?

— 250 тысяч евро и более.

— Вот именно. А у меня уникальное платье стоит от 6 до 8 тысяч евро.

— Тебя очень хвалит Жириновский. Ты знаешь об этом, нет?

— Нет, не знаю.

— Читаю. Он говорит, что пришел к тебе, зашел, купил — без всяких примерок. Это прет-а-порте, то есть готовое платье, никакой не кутюр. “Мне пять раз меряют, шьют плохо. У Зайцева ничего не мерил — вот, сидит как родное”. Приятное, нет?

— Очень приятно. Потому что, действительно, было так. Действительно, он заходил в Дом моды, купил. У меня же есть линия мужская прет-а-порте, “SLAVA ZAITSEV men’s wear”. Я как креативный директор фирмы. Мы делаем в Европе эту одежду из роскошной ткани с великолепной, сбалансированной посадкой изделия, потому что генеральный директор этой фирмы — прекрасный мой бывший конструктор, блестяще чувствует форму мужскую. Поэтому наша одежда очень популярная и раскупается с удовольствием. Именно чистая классика. Классика — это азбука хорошего вкуса, я всегда поддерживаю эту идею.

— Ты как-то сказал: “Нежелательных клиентов передавал своим коллегам, того же Брежнева, когда увидел у него эти бордовые галстуки в огромном количестве, тут же передал Саше Игманду”. Недавно, говоря об этом, вышла книга Саши Игманда, его мемуары под громким названием “Я одевал Брежнева”. Тебе не завидно? Что не ты такую книгу написал?

— Нет, абсолютно. Мне это совершенно не нужно. Я никогда не ломался перед высшими инстанциями, мне никогда не доставляло

удовольствия быть рядом с этими людьми, потому что я чувствовал себя всегда, как бы, рабом при них. Потому что они всегда были очень высокомерны.

— Кстати, твоя бывшая супруга – я наткнулся на ее высказывание о тебе – Марина говорит: “Слава ни от кого никогда не зависел. Не дал никому себя купить, ни партии, ни покровителям. Он абсолютно свободен и честен”. Быть абсолютно свободным, конечно, невозможно. Понятно. Но особенно при том, что по твоим словам, ты говорил: 16 лет отдано государственной моде. Я хотел у тебя спросить: что такое “государственная мода” вообще? Бывает государственная мода?

— Это я работал в Доме моделей Кузнецкий мост, 60 человек художников безымянных. Работали все, потому что мы были просто советские люди, мы не были индивидуальностями. В 1965 году единственный появился Слава Зайцев, которого заметили. На Западе написали фальшивую статью обо мне: “Слава Зайцев – это русский Диор”. Тут же появилась статья “60 Диоров”. У нас был главный инженер, у нас в Доме моды 60 Диоров сразу. То есть у нас боялись личностей. Поэтому это обезличивание очень пагубно влияло на формирование человека, его желание подарить людям радость, прикосновение к красоте. Предположим, у нас 60 человек работает, художественный совет проходит, мы шьем для фабрик. У нас замечательные художники Телегина, Гагарина, Осьмеркина. Замечательные художники были, чудные девчонки - ребята и девчонки были великолепные. Делали прекрасные коллекции для фабрики - платья простые, рубашки, накладные карманы с клапанами и прочим, погончики и прочее сделаны. Вдруг, пожалуйста, художественный совет: “Не пойдет” - “Почему не пойдет?” - “Очень много карманов. Снять карманы, снять клапаны, снять погоны”. Остается три дырки, два шва. Вот эти три дырки, два шва – это советская мода была.

— Скажи, а вообще была ли какая-то связь, на твой взгляд, между политикой и модой?

— Да. Была-была. Была прямая связь. Они категорически не признавали никакой индивидуальности, не давали возможности развиваться индивидуальностям. Хотя, когда выходили по международной линии, выходили художники всех стран содружества, собирались в разных городах, столицах республик. Тогда мы делали коллекции очень красивые с расчетом на то, чтобы не быть хуже других. Для Запада мы делали тоже роскошные коллекции. Но внутри почему-то все время упиралось в то, что вот это время, которое отпускали на изготовление изделий, на пальто, допустим, 30 минут, на платье 20 минут – за эти 20 минут можно что сделать? Сострочить? Этим все было продиктовано.

— Знаешь, ты довольно много и довольно часто говоришь о некотором одиночестве. Ты как-то сказал: “Я живу один уже больше 30 лет, и от этого никоим образом не страдаю”. Допустим. Даже 2000-й год ты встретил один в своем загородном доме. Фундасьон, как ты его называешь.

— И по сей день я встречаю.

— Ты и это сказал: “Мне много хочется сделать, и я знаю, что много могу. Но я немножко устал плевать против ветра, устал быть в одиночестве”. О личном я тебя не спрашиваю. А почему ты оказался белой вороной в своей профессии?

— Мне кажется, свыше продиктовано, я всем обязан провидению, понимаете? Мне кажется так. Потому что я плачу одиночеством за свой талант, по-моему, понимаете? Один период я страдал от этого одиночества, а вот сейчас – нет. Вы знаете, я бегу теперь домой, стараюсь как можно больше быть

дома, потому что так много интересного можно сделать вокруг вещей. Столько интересного нужно сделать успеть. Времени осталось не так много. А потенциал - огромный еще. Поэтому, естественно, я и бегу к себе.

— Почетный гражданин Иваново, почетный гражданин Парижа.

— Теперь почетный гражданин России стал.

— Но не Москвы, как ни странно. Москва как-то не особенно тебя ласкала.

— Да. Не принимала никогда.

— Ты говоришь, что когда ты только появился, говорили: “Куда ты, ивановский, ситцевый, мол, лезешь?” Первые годы, да?

— Первые годы, да. И еще “окал”, их смущала очень эта манера.

— Скажи, пожалуйста, почему, если так, ты не переедешь в Париж?

— Володь, извини, пожалуйста, хотел сказать тебе сразу. Дело в том, что я настолько русский человек изначально, поэтому мне не хватает тоски по Родине. Когда я приезжаю за границу, я сразу моментально через два-три дня начинаю тосковать. Я посмотрел всю красоту, увидел все, показал, приобрел, я бегу домой в это одиночество и в эту тоску, которой не хватает. Понимаете, душа русская очень.

— Душа русская требует тоски? Хотя ты производишь впечатление человека веселого, вообще, и хохочешь. Но тоска, все же, значит, где-то сидит?

— Да-да, внутри. Знаете, это поразительно. Песню Алла Пугачева поет, по-моему. И кибитка по дорожке, цирковая. Вот, песня замечательная такая, тягучая. Это состояние души, мое личное. Когда очень все здорово, но когда немножко от всего этого отойдешь, такое состояние, что такая потрясающая страна, такие удивительные люди, и так они заброшены ужасно. Понимаете? Хочется помочь людям принести радости, порадовать их, хоть на какое-то мгновение прикоснуться к красоте, уж коли даровано так свыше много.

— **Тебе сколько лет?**

— 72.

— **Перед началом этой программы ко мне подошла наша гример ("гримерша" я не люблю), очень толковый, кстати, и спрашивает меня: "Как вы думаете, Зайцев что-нибудь делал со своим лицом?" Я говорю: "Я точно знаю, что нет".**

— Нет, никогда.

— **Вообще никогда не делал ничего со своим лицом. Может, ухаживал там, мазал кремом, я не знаю. А вот так, чтобы – нет, ничего такого не делал.**

— Очень многих людей волнует.

— **Ходят слухи, что Зайцев принимает пилюли молодости, умывается только термальной водой – может быть, я не знаю. Или сидит на особой диете. Значит, дальше твои слова: "Моя рожа всегда светится и не искажена завистью и морщинами".**

— Совершенно верно.

— А, все-таки, есть какой-то секрет молодости? Как ты считаешь?

— Я думаю, что нет, навряд ли. Наверное. Массу же изобретают всяких...

— Я имею в виду, я не знаю, может быть, это просто жить в ладу с собой? Может быть, это получать от профессии колоссальное удовольствие?

— Совершенно верно, да. Для меня работа – самое большое счастье. Я живу ради этой работы, поэтому даже когда мне очень грустно (я встаю утром, предположим, усталый, мятый, мало выспанный), я одеваюсь, прихожу на работу, я моментально свечусь, потому что я испытываю радость от работы. Если была бы возможность, я работал бы все 24 часа, если была бы такая возможность. Потому что я такое получаю огромное удовольствие от общения с людьми, от того, что я могу сам что-то вырезать, что-то померить, что-то создать, нарисовать, вылепить. Фантастика! Вот от этого я испытываю потрясающую огромную радость. Вероятно, от этого и лицо так светится. Потому что у меня нет на лице элементов зависти, усталости.

— Скажи честно: ты, вообще, кому-нибудь в своей профессии завидуешь?

— Никогда. Я могу порадоваться только. Или завидую белой завистью, предположим, Гальяно, потому что он может воплотить свои идеи так легко и просто, потому что у него выбор тканей огромный, на него работает огромная армия людей. А я работаю все время один, все своими руками делаю. Заработаю на ткани деньги, леплю формы, покупаю аксессуары – все на свои деньги делаю, понимаете? То есть для меня жизнь – это сплошное стремление открыть для себя какие-то новые вещи, которые дают возможность максимально воплотить свою

идею, понимаете? Поэтому я естественен.

— Понимаю. “Российская мода никому не нужна” - это твои слова, сказанные год назад. В связи с этим два вопроса. Во-первых, существует ли вообще русская мода? Я просто хочу знать. И во-вторых, разве мода – это понятие национальное?

— Конечно. Нет, мода по идее многонациональная, в нее каждая страна вносит свои коррективы, то есть самобытность вносит коррективы в моду. Но, в принципе, мода сегодня интернациональна – даже Китай, Япония уже надели всю европейскую одежду. Но есть элементы российские. То есть, есть дух России, есть какая-то недосказанность, которая характерна для наших женщин, есть какая-то неловкость, знаете вот, еще существует в российской глубинке момент

смущения, который не дает возможности женщине надеть на себя бесстыдную одежду, понимаете? В Европе это существует... Да боже мой, достаточно посмотреть на нашу эстраду, какое бесстыдство творится на эстраде. Уже совсем все оголили. Ходят девчонки, особенно эти группы девчонок. Это ужасно совершенно. Какая может быть культура, какая может быть мода в чистом виде? Я не могу понять, что происходит.

— А почему ты говоришь, что российская мода никому не нужна? Это ты к чему это сказал?

— Потому что у нас правительство не принимает никаких решений, оно не защищает людей. Если на Западе, предположим, в Англии и во Франции, молодой художник-модельер имеет возможность принять участие в выставках, в международных показах. Их дотируют, покупают билеты, создают условия для работы в Лондоне, существует целая улица маленьких магазинчиков для молодых, государство им дает в аренду, но по очень позвольительной цене. У нас этого ничего нет – мы абсолютно выброшены. Сейчас наш рынок заполонила...

— Ты об этом как раз говоришь: “Я не реализовался, и здесь это никому не нужно. Здесь предпочитают все привозить с Запада, открывают магазины Валентино и Версаче, и нет ни одного русского, который бы пришел и сказал: “Слава, мы тебе поможем – откроем твой бутик, наладим хорошее производство, закупим классные ткани”. Но ведь тебе предлагали открывать магазины на Западе – ты отказывался.

— Да, отказывался. Я не хочу на Западе. Зачем на Западе? Запад и так перенасыщен одеждой. Там так много художников, там так блестяще все выстроено, зачем на Запад? Нам нужно помогать нашим людям. Я – русский художник, я хочу быть полезным русским людям. Понимаете? Это очень печально,

действительно. Сейчас все крупнейшие марки - в России, то есть не надо ездить сегодня в Европу, единственное – разница в цене большая, у нас в три раза все дороже продается.

— Но если ты говоришь, что мода никому не нужна, значит, ты никому не нужен в России. Получается так. Ты занимаешься, все-таки, модой, прежде всего. Почему ты остаешься в моде? Что тебя держит?

— Вы знаете, как маленький принц. “Я приручил людей, я не могу их бросить”. У меня масса клиентов, которые меня любят, которые приходят в дом моды.

— Дело не в деньгах?

— Нет, абсолютно. Какие деньги? Смешные деньги. Если я вам скажу, какие зарплаты мы получаем, вам будет странно. Зарплата у нас максимум 30 тысяч, от 15 до 30 тысяч рабочий получает.

— А для тебя, по-моему, источником заработка являются духи “Маруся”?

— Конечно. Это единственное, что дает мне в жизни...

— Ты даже пишешь: “Если бы у меня не было парфюма, я бы и по сей день сидел с голой ж”.

— С голой жопой, да, совершенно точно.

— “От государства за 25 лет существования Дома моды Вячеслава Зайцева, - продолжаю твои слова, - мы никогда и ничего не получали”.

— Никогда.

— Хорошо, а скажи, пожалуйста, Дом Кардена или Дом Валентино, или Дом Шанеля от государства что-то получают?

— Они ж когда становились на ноги, получали дотации. Первые шаги.

— Ты уверен в этом?

— Больше, чем уверен.

— А вы никогда ничего?

— Мы никогда ничего не получали. Никогда.

— Пьер Карден сыграл роль в твоей жизни?

— Выдающийся человек, обожаю совершенно этого человека. Огромную роль сыграл. Дело в том, что когда в 1965 году они приехали в Москву - 130 человек было, высший свет Парижа, Жилель Вуко привез целую группу высшего света Парижа. И среди этого высшего света Парижа был и Пьер Карден, Марк Боан, который Диора тогда возглавлял, Ги Лярош, художник, потом масса была замечательных художников и прочее-прочее. И попала группа людей совершенно неожиданно... Пришла очаровательная рыжая журналистка – это 1965 год, начало весны, апрель, говорит: "Славочка, вы знаете, хотел с вами встретиться Карден, потому что он слышал..."

— Это наша журналистка?

— Нет-нет, это французская журналистка.

— Она говорила по-русски, да?

— Она блестяще по-русски, да. Отчаянная рыжая бестия

такая. Пока мы ехали с ней потом... Вообще, я пришел в Дом моделей на Кузнецком мосту, говорю: "Вы знаете, я вынужден рассказать, что я иду встретиться с Карденом". Они говорят: "Категорически нельзя". Партийная организация тут же мне делает заслон. Я говорю: "Да вы пошли подальше со своей партийной организацией. Если я не встречу с Карденом, это просто для меня погибель", тем более что я в то время жил этой идеей, я во сне был у Кардена, у Диора дома, в мастерских, я просто болел этими людьми. И вдруг живой Карден появляется. Я пришел в гостиницу "Киевская". И вы знаете, интересно, мне тогда нечего было одеть, пошел, купил пальто за 17 рублей, у нас на метро "Аэропорт" - буклированное серо-черное, красивое венгерское. У Левы Збарского взял замшевый пиджак. Чтобы хоть прилично выглядеть, потому что у меня ничего не было просто. Вот, и пошел в эту гостиницу на встречу с ними. Знаете, интересно. Я вхожу в гостиницу, поднимаюсь по лестнице. И вот в вестибюле стою, смотрю, идут люди, они спускаются вниз, сверху с завтрака и смотрю, Карден живой. У меня все внутри задрожало просто как у ребенка, знаете? От страха и от возможности увидеть этого живого человека, пожать ему руку. Я говорю: "Пьер?" Так, тихо сказал, а, оказывается, крикнул очень здорово от страха. Он увидел, кто его зовет. Так: "О? Слава?" И все, и здесь мы слились вообще потрясающе, он меня схватил, повел к себе в номер, показал свои работы. Я забыл все английские слова, которые я знал. Чего-то лепетал, было странно, он говорит: "Пойдем с нами в Кремль, в Оружейную палату". В общем, короче говоря, встретил потрясающе. После этого мы очень с ним подружились, и он после, приезжая уже в Москву, когда приезжал уже как с коммерческими целями, пытаюсь открыть бутики здесь, я помогал ему очень здорово в этом плане, помогал, курировал его коллекции, давал манекенщиц, помогал показы проводить. Потом уже позже, когда мы встретились с ним в 1980 году в Болгарии, когда я должен был поехать в Болгарию – я уже в то время работал в ателье маленьком, ушел из Дома моделей на Кузнецком мосту. И когда мы приехали в Болгарию... Кстати, в Болгарию меня

тоже не пускали – меня в то время куда не пускали. Он поставил условие категорическое: “Или Зайцев приедет, или я вообще не появлюсь в Болгарии”. И болгары договорились с нашей партийной организацией, меня выпустили.

— Так что Карден оказался еще паровозом, локомотивом, который тебя вытащил.

— Потрясающе. Вы знаете, потрясающе – он потом привозил мне ткани, прислал целый сундук мне тканей роскошных, я делал в начале девяностых годов коллекцию.

— Ты с ним еще общаешься?

— Конечно, общаюсь. Не далее как в прошлом году был у него с Театром моды.

— Я его недавно видел на 85-летию нашей замечательной балерины Плисецкой. Он же ее обожает.

— Да-да. Я знаю. Я был свидетелем этого обожания, потому что я был при первой встрече, присутствовал. Майя это отрицает, но, в общем, это было всячески, как говорится. Она не очень интеллигентно поступила в данном случае со мной. Но первая встреча была, познакомил я ее с ним в семидесятых годах. Ее вместе с ее мужем Щедриным. Потому что они пригласили меня делать балет “Анна Каренина”. Я сначала увлекся страшно. Ее божественные руки. Когда она танцевала в контражуре, Родион играл на фортепиано, она танцевала. Я умирал от счастья – вижу живую, великую балерину вот так вблизи и вдруг сломалось что-то. Я начал делать для них костюмы, сделал очень много эскизов и даже костюм первый сделал прекрасный, но что-то произошло, побоялись, что я слишком много хорошего сделаю.

— Кто побоялся?

— Щедрин. Но Фурцева вызывала меня. Мы к Фурцевой с Щедриным ходили. Она просила меня пойти на компромисс, я говорю: “Нет, я на компромисс не пойду никогда”. Чтобы я сделал попроще костюмы.

— Это что, министр культуры Фурцева тебя вызывала по этому поводу?

— С Щедриным мы ходили вместе к ней. Но я тогда так не пошел и мы расстались.

— Ты говоришь: “Я вижу свое влияние на западную моду”.

— Да.

— То ли ты говоришь в шутку, то ли всерьез. И дальше – это было в 1974 году – написали, что Зайцев входит в пятерку лучших модельеров мира. После чего, говорят, Косыгин небезызвестный позвонил парторгу Дома моды и сказал: “Заткните рот этому человеку”.

— Да, было такое дело.

— Я считал, что Косыгин, вообще, по сравнению с остальными в то время был таким, либералом что ли. А тут выходит, что совсем другое? Или что-то было личное?

— Нет, я думаю, это из-за легенды Косыгина. Сам Косыгин – нет, я думаю, он до этого не дошел.

— А почему заткнуть рот? Если хвалят тебя и говорят, что, вот, советский модельер входит в пятерку...

— Дело в том, что в 1969 году мы делали коллекцию для

американцев. Америка прислала приглашение сделать коллекцию фирмы “Солонист”, такая шелковая ткань, роскошная ткань. Прислала ткань нам в Дом моделей, чтобы Слава Зайцев сделал коллекцию. Сказали: “Зачем Слава Зайцев? У нас есть другие художники”. Дали Иру Крутикову, Ирину Телегину, замечательных моих коллег. Мы сделали коллекцию, показали ее в Америке. Нас-то, конечно, не пустили. В общем, прикрыли совсем на этот показ. После этого немножко за мной стали следить, потому что информации было очень много, как говорится, интересной, идущей с Запада обо мне. И они стали внимательно за мной следить. Меня вызывали в КГБ, ставили условия определенные и так далее. В общем, я выжил, слава богу. Короче говоря, в 1974 году в чешском журнале появляется эта статья и пять фотографий –Фредерик Ворт, первый диктатор моды, Поль Пуаре, второй диктатор моды, третий – Коко Шанель, четвертый – Кристиан Диор и Слава Зайцев. Написали: “Он закрыл гегемонию домов модели Западной Европы”. Написали очень хорошие слова, блестящие. Я с этим пошел тогда к Косыгину в Кремль и сказали: “Ребята, надо воспользоваться ситуацией”. Потому что один раз они мне запретили с американцами работать, которые после этой выставки, когда показали модели, успешные очень, предложили работать на Запад – от меня требовались только эскизы и больше ничего. И, вот, третий раз уже прошло с Косыгиным. И пришли в Дом моделей и сказали: “Ребята, закройте ему рот”. Меня даже на партсобрания перестали пускать.

— А ты был членом партии?

— Я был членом партии. Я был очень правильный человек, очень. Я был замечательный пионер, замечательный комсомолец, замечательный член партии. Я был лучший представитель Советского Союза. В идеале я идеальный советский человек, совершенно идеальный. Я был очень правильный, очень верный, очень работоспособный, любил все, что связано с красотой. Вообще, старался всегда людям помочь

прикрыть все тылы собою, как только возможно было сделать. Но тем не менее, видите, как-то так...

— Подожди, Слав, а сколько тебе лет было, когда ты вступил в партию?

— Я сейчас скажу. Это был 1966 год, значит, мне было где-то 30.

— Но ты, все-таки, понимал, в какой ты стране живешь?

— Я понимал, конечно. Я прекрасно понимал, что мы идем к светлому будущему, к коммунизму. Я в это верил, в том-то все и дело.

— Хорошо. А когда ты разуверился? Потому что ты же вышел из партии, надо полагать?

— Да, вышел из партии.

— Давно ли?

— Давно. Сразу, как только появилась возможность, я тут же вышел.

— А, вот видишь? Говоришь "когда появилась возможность". Значит, ты хотел выйти в какой-то момент?

— Конечно. Когда я понял, что меня все время душат и давят, я, естественно...

— Потому что тебя душат и давят? Или потому что ты понял, что...

— Ложь, ложь.

— **Ага. Что ты верил не в то?**

— Да, и не в то верил. Именно поэтому. Я помню, когда в 1986 году к нам приехали в Дом моделей на Кузнецком мосту французские художники...

— **В 1986 году? Уже началась перестройка.**

— Да-да. Приехали французские художники, 16 выдающихся художников, их работы, по пять моделей каждого, и французы предложили устроить показ в Доме моды. Я устроил показ, устроили шоу великолепное, художники, модельеры, манекенщиков пригласил. А Готье тогда как раз делал, образ проститутки у него был популярен – черные грудки такие высокие, конусом стоящие черные эти бюстгалтеры, И я неожиданно так сказал: “Вы знаете, Готье очень хорошо относится к проституткам, создает для них одежду вот такого плана, то есть пытается их сделать стильными”. После меня вызвали в райком партии, сказали, что “запрещаем вам вообще разговаривать. Что это такое - сказать со сцены “проститутки”?”. Я говорю: “Простите, а что здесь такого ужасного я сказал? Профессия прекрасная, древняя профессия”.

— **Нет, конечно, тут ты перебрал. Скажи, Слава, твой отец, если я правильно помню, попал во время войны в плен, потом бежал.**

— Потом дошел до конца войны.

— **Дошел. Потом был арестован уже с советской стороны, сидел в лагере как враг народа. Правильно?**

— Да-да.

— **Во-первых, был ли он реабилитирован?**

— Да, был реабилитирован, конечно.

— И когда он сидел, на тебе как-то отражалось?

— А как же! Я был сыном изменника родины. Я модельером-то стал именно поэтому. Потому что после школы меня не принял ни один техникум. Единственный техникум, который принял, это химико-технологический техникум города Иваново.

— То есть ты не собирался, что ли, этим заниматься?

— Абсолютно не собирался. Я мечтал быть артистом театра оперетты. Я пел, танцевал, декламировал. Я блестящим актерским мастерством обладал. Я с мамой пел, был запевалой со своим другом. Причем, потрясающая вещь. Вы знаете, я мечтал быть, потому что в Иваново был самый лучший театр оперетты. Я мечтал быть опереточным артистом, поэтому я уже со второго класса во дворец пионеров ходил, занимался. Потом я в драматическом театре играл две роли, в 14 и 15 лет. В "Анне Карениной" Сережу Каренина и в "Семье" Дмитрия Ульянова. То есть я готовился быть артистом. Но стал артистом по-английски, артист – это художник по-английски.

— Значит, все-таки, это из-за отца?

— Это только из-за этого. Но, ведь, на все воля божья, я считаю.

— Это правда, да. Как интересно. Я совершенно не знал. Хотя, это я представляю. Я тебя представляю на сцене, правда. Значит, ты еще говорил – это меня поразило – ты говоришь так: "Я – человек совка". Это что? Это с позитивной ноткой или с сожалением? Совок – это, вообще, не то, чтобы очень хорошее дело.

— Да, не очень хорошее дело. Но, к сожалению, я был совок.

В советскую власть я верил до конца. Пока не увидел... Когда меня первый раз закрыли в лифте и не пустили на партсобрание в Доме моделей на Кузнецком мосту, я понял, что что-то здесь происходит не то. И стал внимательно всматриваться в действия партии. И увидел, что еще очень много неверного, непозволительного просто происходит в партийной организации.

— То есть ты из совка?

— Я из совка, да, но никогда не был совком. Я всегда протестовал против этого.

— Ты с сожалением говоришь следующее: “В России никогда не ценились красота и самобытность. Наши бизнесмены ездят в Европу, скупают там все барахло и развешивают в бутиках. Напрочь надо изъять всех западников, чтобы дать возможность своим почувствовать себя нужными”. Не перебор?

— Наверное, перебор. Это было такое, очень резкое высказывание.

— Эмоциональное, наверное?

— Да-да-да.

— Неужели ты вправду считаешь, что в России никогда не ценились красота и самобытность?

— Никогда. Дело в том, что я работал 16 лет, проработал в Доме моделей. Я начал с фабрики работать, три года на фабрике работал в Бабушкино, делал телогрейки и спецодежду для села и области. А потом 13 лет я работал в Доме моделей на Кузнецком посту художественным руководителем, который занимается практически разработкой направления моды для

страны, понимаете? Создавали направление моды для страны. То есть мы делали колоссальную работу, огромную работу – и методическую работу проводили, проводили всевозможные семинары, лекции, я по всему Советскому Союзу ездил, показывал и рассказывал, как надо жить и работать в моде. Но, к сожалению, это все осталось за бортом – это так никто и не принял. Понимаете? Почему я ушел в 1978 году из моды? Потому что я понял всю бесполезность.

— Вот ты когда, скажем, разрабатывал телогрейки, ты их делал разноцветными и цветастыми, и так далее?

— Да. Именно мне повезло...

— За что и получил по голове.

— Конечно. Потому что я, когда приехал в Москву из Иваново, такой серый скучный мальчик, в кепочке странной такой, и куртка мягкая была, зеленые вытянутые штаны на коленках, вот такой приехал в Москву. Мне повезло сразу попасть в музей народного искусства. Я был потрясен этой красотой.

— Так, значит, есть вкус к красоте?

— Есть.

— Ездишь по деревням русским, ты видишь, как вырезано все.

— Да-да, потрясающе! Нет, самобытная культура высочайшая. Но совок уничтожил эту красоту, он не пытался людям привить эту красоту – он пытался делать стандарт общий, понимаете? Все под эту гребенку должны быть.

— Ты был ведущим очень популярной телевизионной программы “Модный приговор”. Мне эта программа

— я тебе говорил еще тогда — очень нравится: она добрая, она умная, она помогает, она воспитывает вкус и все такое прочее. И ты ушел. Чего ты ушел-то? Ты говорил: “Мне некомфортно на телевидении”. Что значит некомфортно? Ты же делал замечательное дело, ты имел возможность обратиться к очень большому количеству людей.

— Я делал это с удовольствием. Я почувствовал дискомфорт в себе в самом, понимаете? Когда заболел и почувствовал, что мне трудно сразу с речью, я почувствовал, что я не смогу быть до конца правильным, вести себя. Именно поэтому. Из собственных соображений. Хотя, передача прекрасная, я очень жалею, что я ушел. Но, в принципе, я уже не могу ее там вести. У меня проблема с дыханием немножко произошла. Вот я сейчас стараюсь вылечиться.

— Подходим к концу. Значит, ты разрабатывал форму для милиции.

— Было такое дело, да.

— Которую отменили сначала, первый раз.

— Нет-нет. В 1989 году я пришел, впервые сел на Петровку вместе с генералами обсуждать. Тогда был министр внутренних дел, на “Б” фамилия.

— Бакатин?

— Бакатин, чудесный мужик, симпатичный. Поэтому я и согласился работать. Мы работали три года, создавали эту одежду. У меня куча эскизов сохранилась, слава богу. Создали форму, создали лекала, создали техдокументацию, сшили первую одежду для милиции, как говорится. В общем, первую группу сделали моделей, прекрасно все прошло, великолепно

совершенно. 1991 год случился, все развалилось, исчезло. Нам, во-первых, за три года не заплатили ни копейки, за работу Дома моделей. И во-вторых, еще при этом обложили здорово потом, когда пришли новые власти, исчезли все эти лекала, потом стали на базе этих лекал делать безобразные вещи. Потому что я предлагал людям уважать милицию и относиться к ним с большим пиететом, да? Я пытался сделать, чтобы дубленка была из дубленки сделана...

— Понятно. Сапоги из кожи, понятно.

— Да. И я понял, что это бесполезно. Все это проворовывалось ужасно. Поэтому мне было стыдно перед ребятами, милиционерами, которые потом говорили: "Вячеслав Михайлович, чего же вы нам создали такую одежду?" Я говорю: "Ребят, я не виноват". Как сейчас с военной формой. Мне предложили первому сделать военную форму. Но я отказался, потому что я понял, что это я наткнулся опять на непонимание. Валя Юдашкин – он согласился сделать.

— Они жалуются, что, вроде, холодная очень форма.

— То же самое произошло. Возможно, он сделал хорошую форму, но ткани дали такие дешевые... Везде проворовываются.

— Ладно. Перед моим другом Марселем Прустом, который специально просил, чтобы я задавал тебе вопросы, я тебе задам последний вопрос. Что ты еще хочешь в жизни?

— Максимальной реализации.

— А что это значит? Как ты это видишь?

— Я хочу создать свою империю. Чтобы я мог позволить себе сделать и одежду...

— Как Коко Шанель? Вот такого рода?

— Да-да-да. И обувь, и аксессуары, и дополнения, и дом, и все. Объять человека своим теплом и вниманием.

— Для этого что тебе нужно?

— Нужны деньги и люди, финансовая поддержка. Потому что все остальное я могу сделать.

— Вернется это?

— Я думаю, да, конечно. Абсолютно. Потому что у меня огромный опыт. У меня потрясающие архивы. Я сейчас собираюсь книгу делать с Эвелиной Хромченко – она хочет сделать книжку обо мне. Я готовлю архивы свои. Я обалдел, какие колоссальные архивы у меня. Боже мой! За 30 лет накопилось столько уникального материала, который может быть таким потрясающим подсобным материалом для дальнейшей моды. Потому что у меня все там собрано.

— Дай тебе бог. Итак, Марсель Пруст. Какой твой любимый цветок?

— Орхидея.

— Какая твоя любимая птица?

— Соловей.

— Какой недостаток ты легче всего прощаешь?

— Я почти все недостатки прощаю людям, кроме предательства.

— Вот я и спрашиваю, какой не прощаешь никогда?

— Да, предательство никогда не прощаю.

— Если бы дьявол предложил тебе бессмертие без каких-либо условий, принял бы?

— Никогда.

— Что ты не любишь больше всего?

— Ложь.

— Из того, что принадлежит тебе, ты чем больше всего дорожишь?

— Бумагой белой и карандашом.

— Если бы ты мог изменить в себе что-нибудь одно, что бы ты изменил?

— Я бы здоровье себе сделал лучше, продлил бы немножко, чтобы лучше было здоровье – все, единственное.

— Кого из ныне живущих ты больше всего уважаешь? Есть ли такой человек?

— Уважаю? Из своих близких или вообще?

— Вообще.

— Таких много людей, которых я уважаю. Я очень уважаю вас, например. Правда.

— Ну, хорошо, договорились.

— Нет, я могу назвать людей, кого я больше люблю. Уважаю

очень много людей.

— Договорились. Оказавшись перед Богом, что ты ему скажешь?

— “Господи, спасибо тебе, что дал мне возможность проявить максимально себя в жизни”. Я каждый день его прошу об этом и благодарю его за то, что он дает мне возможность каждый день радоваться жизни, видеть свет, видеть людей, максимально воплощаться. Вот за это я его благодарю каждый день.

— Это был Слава Зайцев. Спасибо большое. ♦

Джон Малкович

Источник:

<http://esquire.ru/wil/malkovich>

Актер, режиссер, 57 лет, Кембридж

— Я все еще не до конца уверен в том, что, став актером, сделал правильный выбор. Ведь у меня было много возможностей: я работал водителем школьного автобуса, маляром, продавал яичные рулеты. Потом работал в канцелярской лавке. Потом — на мексиканцев в конторе, занимавшейся озеленением: выпалывал сорняки. Сейчас все это позволяет мне вволю поразмышлять над тем, как выглядела бы моя жизнь, если бы я не стал актером. Но вот что я знаю наверняка: жить, притворяясь другим человеком и получая за это баснословные деньги, — высший класс.

— Я всегда был уверен в том, что если ты не можешь заработать деньги на профессии актера, ты либо непростительно глуп, либо трагически несчастен.

— Как правило, люди начинают сниматься в кино потому, что они либо ленятся каждый день играть в театре, либо хотят заработать денег, либо просто хотят стать знаменитыми.

— Величайший успех — и одновременно самый трагический — это тот, который никто не заметил.

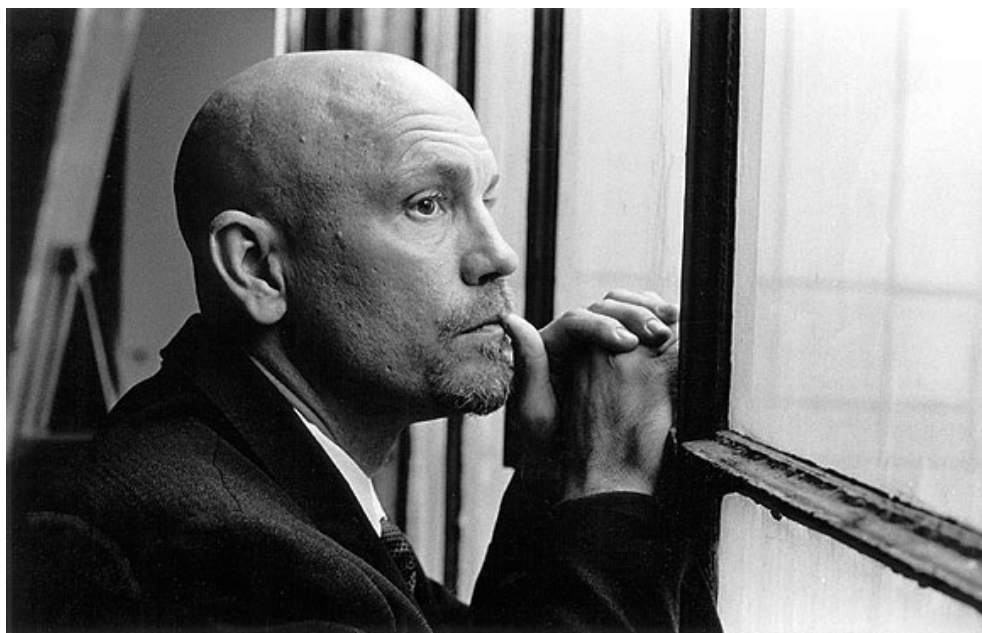
— Все, что ты делаешь, ты должен делать для кого-то. В

противном случае лучше вообще ничего не делать.

— По большому счету все, что мы делаем, не так уж и важно. Но это не является оправданием для того, кто делает свое дело плохо. Когда я работал в канцелярской лавке, в рабочее время я думал только о канцтоварах. А потом, по пути домой, я думал о театре. Выходил на своей станции и шел в студию. А утром просыпался и снова шел на работу — сортировать какие-нибудь скрепки.

— С самого начала мне было очень легко на сцене: для меня она как дом.

— Кино — это мир вымышленных людей, вымышленных событий и вымышленных вещей. Когда ты размышляешь об этом, ты начинаешь думать о том, что профессия актера убога и ничтожна. И в какой-то момент ты говоришь себе: черт,

и как же она может изменить картину мира? Но потом ты успокаиваешь себя тем, что такие вещи можно сказать про что угодно. Про банковское дело и журналистику — в том числе.

— Некоторые режиссеры хотят получить от тебя все сразу: чтобы ты был им и продюсером, и сценаристом, и личным психиатром. А кто-то просто ждет, когда ты сломаешь себе на съемках шею, чтобы они могли получить твою страховку.

— Все знания, которыми владеют современные режиссеры, заимствованы ими из уже снятых фильмов. Так что, когда они пытаются тебе что-то объяснить, они всегда приводят в пример какое-то классическое кино. Вот почему так много фильмов, которые похожи на другие фильмы. Но я ничего не имею против этого. На такие фильмы я не только хожу, но даже снимаюсь в них.

— Я не склонен особо много рассуждать о том, что я делаю. Проститутки ведь тоже не приходят домой, чтобы сказать: «Милый, сегодня на работе я отсосала так, как не делала еще никогда».

— Кажется, у меня больше друзей-женщин, чем у любого мужчины, которого я когда-либо знал. Меня потрясает в женщинах их психическая твердость и то, что они всегда способны выслушать тебя. А еще они гораздо легче переживают трудности.

— Туда, где много красивых женщин, ни в коем случае не стоит отправляться с кем-то, кто одет лучше, чем ты.

— Мне кажется, что моя любовь к хорошей одежде началась еще в детстве — с того времени, когда я был маленьким толстым мальчиком. Я отлично играл в бейсбол и футбол, но мой отец всегда говорил, что мне больше нравится хорошо выглядеть на бейсбольной площадке, чем хорошо играть в

бейсбол. Кажется, в этом и заключается вся правда.

— Совсем недавно я начал ходить в спортзал, хотя, если честно, я эти спортзалы не выношу на дух. Они пугают меня. Но старческая немощность пугает меня еще больше.

— Поверьте, я могу быть невероятно дисциплинированным, хотя дисциплинированность всегда казалась мне каким-то подвидом глупости.

— У меня сложное отношение к курению. Я всегда был курильщиком, который не курит.

— В отличие от моего деда или, скажем, братьев, я и в самом деле умею заработать немного денег на скачках.

— Я не очень помню свою жизнь до рождения детей. Есть, конечно, какие-то воспоминания, но я не до конца уверен, что

они мои.

— Вот уже несколько лет я не наносил никому никаких физических увечий.

— Если я и выхожу где-то из себя по-настоящему, то только на съемочной площадке.

— Меня пугают люди, которые говорят, что знают, как все должно быть.

— Когда-то очень давно я шел по улице одного провинциального городка во Франции, и меня задел грузовик. Он двигался быстро и ударил меня изо всех сил. Не знаю, заметил водитель меня или нет, но он даже не притормозил и поехал дальше. Я догнал его — бросился в открытое окно и схватил за руль. Говорю: «Слушайте, если вы задеваете кого-то грузовиком в цивилизованном обществе, то как минимум вам следует поинтересоваться, все ли у него в порядке». Он подумал и говорит: «Простите». А я ему: «Ладно, постарайтесь быть более аккуратным, и все будет по-настоящему замечательно. Не смею вас больше задерживать». Я прошел по дороге вперед еще метров тридцать, как вдруг этот грузовик резко затормозил прямо передо мной. Оказывается, водитель забыл попросить у меня автограф.

— Я прожил в европе почти 12 лет и заметил, что одна из главных европейских ошибок — это вечные обвинения Америки в том, что она не имеет своей собственной культуры.

— Я вам расскажу, что такое политика: предположим, ты вдруг узнаешь, что все деревья на твоей улице больны. И тогда кто-

то говорит тебе: отлично, подбросьте им удобрения, плесните водички — и все будет в порядке. Но тут же появляется тот, кто говорит, что их нужно немедленно вырубить и спалить дотла, потому что иначе они заразят всю округу. В этот момент вступаю я и говорю: «А кто доказал, что они больны? В чем выражена эта болезнь? Это естественное заболевание или здесь виноваты люди? И вообще — кто все это затеял? И когда они в последний раз были на моей улице?» Но я никогда не получу ответы на свои вопросы. Я лишь увижу людей, которые говорят: порубить и сжечь, и людей, которые говорят: полить и удобрить. И все, что мне предлагается, — это выбирать между ними. Но нет, чуваки! Простите, но я мало кому верю на слово.

— Меня пугают люди, которые говорят, что знают, как все должно быть.

— Я давно уже научился не беспокоиться о тех вещах, которые не могу контролировать. Вы беспокоитесь о том, что самолет сейчас упадет? Вы что — пилот, что ли? ♦

Андрей Орлов

Источник:

<http://f5.ru/freshf5/post/355318>

Сетевой поэт Орлуша — о том, как он начал новую жизнь, когда все его ровесники готовились к пенсии, за какие деньги можно слушать Стаса Михайлова, о лифчиках и хичхайкерстве, графоманах, маньяках и нормальных людях.

— Рано утром Андрей Орлов, он же популярный поэт Орлуша, неспешен, несколько валяжен и отстранен, как может быть отстранен человек востребованный и обласканный жизнью. Он размешивает ножом сахар в чашке эспresso в сетевом заведении и с аппетитом поедает багет. У Орлова юная невеста из Челябинска, медийные проекты, гастроли в Израиле и план покупки небольшого такого домика с видом на Босфор. А ведь еще несколько лет назад он жил подножной жизнью на чужой даче.

— Я прошел через нижнюю часть синусоиды, близкую к маргинальной — когда жрать нечего. К тебе едут друзья, одному ты говоришь: “Купи хлеба”, второму: “Купи мяса”, третьему: “Купи овощей”. Потом с общего стола потихоньку утаскиваешь и набиваешь холодильник на неделю.

— Как вы оказались на нижней части синусоиды?

— У меня была компания по рекламному телепроизводству. Мы рассорились с партнершей. Каждый из нас по отдельности думал, что он и есть 90% бизнеса. Все оказалось иначе. Но я не шибко плакал. Ушел в журнал “Столица” арт-директором. После этого начались разные выборы, которые меня кормили. Потом

они закончились. Я сидел на даче, писал стихи и развлекал ими своих друзей. Ресторатор и актер Андрей Лукьянов предложил организовать выступление в кафе “Бульварный роман” (на этом месте сейчас “Жан-Жак”) за вполне внятный гонорар. Публика была приличная — из банковской, чиновничьей среды. Им понравилось и мне. Я считаю \$1000 за час кривляний вполне адекватной платой. Потом был “Петров-Водкин”, и я, что называется, пошел по рукам — вернее, по дружеским клубам.

Но настоящая, народная слава настигла Орлова в интернете.

— Я постоянно терял файлы и ноутбуки со своими стихами. Помню, ехал к кому-то на день рождения, написал стихотворение. Не было флэшки под рукой. Решил закинуть в интернет, чтобы уже никогда не потерялось. Выбирал между “Литпромом” и udaff.com. “Литпром” показался удобнее, потому что там удачное “Хранилище старых креативов”.

Реакция на первые опубликованные произведения Орлуши была сдержанная. А вот стих про Анастасию Волочкову уже пошел гулять по Сети.

◆

**Я — Анастасия Волоčkова,
Папа мой — Порфирий Волочков,
Жизнь моя сложилась бестолково:
Я влюбляюсь только в мудаков.
Это в смысле я влюбляюсь телом.
Потому что сердцем и душой
Я люблю свое по жизни дело,
В смысле сцену и театр Большой...**

— Успех в интернете приходит тогда, когда кто-то из друзей присылает тебе ссылку со словами “посмотри, как прикольно”, не зная, что это придумал или сочинил ты. То

есть круг замыкается на тебе. С этого момента уже можно на что-то рассчитывать. Все это похоже на нью-йоркский марафон, где каждый, заплатив \$30 за номер, может бежать и победить. Правда, по дороге могут затоптать, затолкать локтями, испортить настроение. Многим ранним персонажам комментарий “ты мудак, убей себя об стену” реально вышибает нервы.

— Вы на комменты “Орлов тупорылый стихоплет” обижаетесь?

— Нет, я уже научился адаптироваться. Хиты Орлуши — стихотворения “Надувная Ксения Собчак” и “Почему у человека грустное е...ло” — стали так известны, что кто-то из поклонников творчества поэта озвучил их гнусным буратинным голосом, и стихи превратились в популярные рингтоны для мобильных телефонов. Сам Орлов с этого не поймел ни копейки, но пиратам тем не менее благодарен.

— Если бы все это продавалось за деньги — никто бы в таком количестве рингтонов не скачивал.

— И ваши гонорары не доросли бы до €2000 за концерт. Есть немало людей, которые считают себя поэтами, но мало кому даже \$50 заплатят.

— Понимаешь, литература и особенно поэзия — это либо новый взгляд, либо новая форма, либо парадоксальная мысль. То, за что можно зацепиться. Если ты пишешь: “Вспоминаю чудную минуту, ты стоял, а я к тебе пришел”, то как ни излагай эту мысль, она уже давно сказана. А надо либо взорвать людям мозг, либо отлюбить его во все извилины. Есть миллионы людей, которые считают, что чувство, посетившее их при виде девушки на автобусной остановке, никем никогда не испытано и достойно описания крайне сомнительными рифмами с грамматическими ошибками. Для таких есть ресурсы типа

“Стихи.ру” и все остальное. Такие произведения в Сети называют “столбиками”.

— Чем все это отличается от проекта “Литпром”, на котором вы теперь значитесь редактором?

— “Литпром” — это инициатива людей, которые переросли udaff.com, отошли в сторону, вложили какие-то деньги. Декларировалось продвижение в интернете духовности отдельно взятой группы падонков, которые хотели писать и тусоваться. Без всяких разговоров о монетизации, о размещении рекламы. На ресурсе есть десятки людей, которые могут выделить \$2000–3000 в месяц на его поддержку. Важно, чтобы такое место было. Даже в Центральном доме литераторов есть дорогой ресторан, где кормят буржуев, и есть буфет, где собираются писатели, пьют и п...дят о жизни.

Надо сказать, что “Литпром” в качестве литературного клуба получился и сработал. Живет хорошо, если посмотреть на рубрику “Издато” — масса людей вышла в офлайн и зарабатывает на жизнь написанием книг, статей, сценариев. Критика на портале крайне серьезная. Люди, бывает, годами не вылезают из “элитных” рубрик “Х...та” или “Гавно и х...та, што п...ц”. Рубрик, которые не архивируются и никогда не выносятся на главную полосу.

— Участь их незавидна...

— Я считаю, что писать, пусть и плохо, — это лучше чем бегать с топором по лесополосе. Кроме того, рубрики “Х...та” и “Гавно и х...та, што п...дец” комментируются, редактор дает какую-то оценку, и некоторые авторы со временем поднимаются вверх.

Вечером элегантный Орлов в белой сорочке и синем пиджаке заходит в камерный ресторан на Патриарших. У Орлова в камерном ресторане, принадлежащем продюсеру Цекало, концерт. Ресторан полупуст. Несколько мрачных людей устало обсуждают в углу возможности и опасности. За другим столиком

молодой мужчина с перебитым носом развлекает дам.

— Вы уверены, что публика готова меня слушать? — спрашивает Орлов у девушки-организатора.

Девушка уверена. Орлов садится в высокое кресло перед микрофоном, представляется, открывает ноутбук. Он не всегда помнит наизусть свои стихи, что выдает в нем человека, во-первых, крайне продуктивного, во-вторых, не слишком уж заикленного на своем творчестве.

— Лошатеми кантаре, — громко отзывается мужчина с перебитым носом. Дамы хихикают.
— Почему у человека грустное е...ло? — декламирует Орлов.

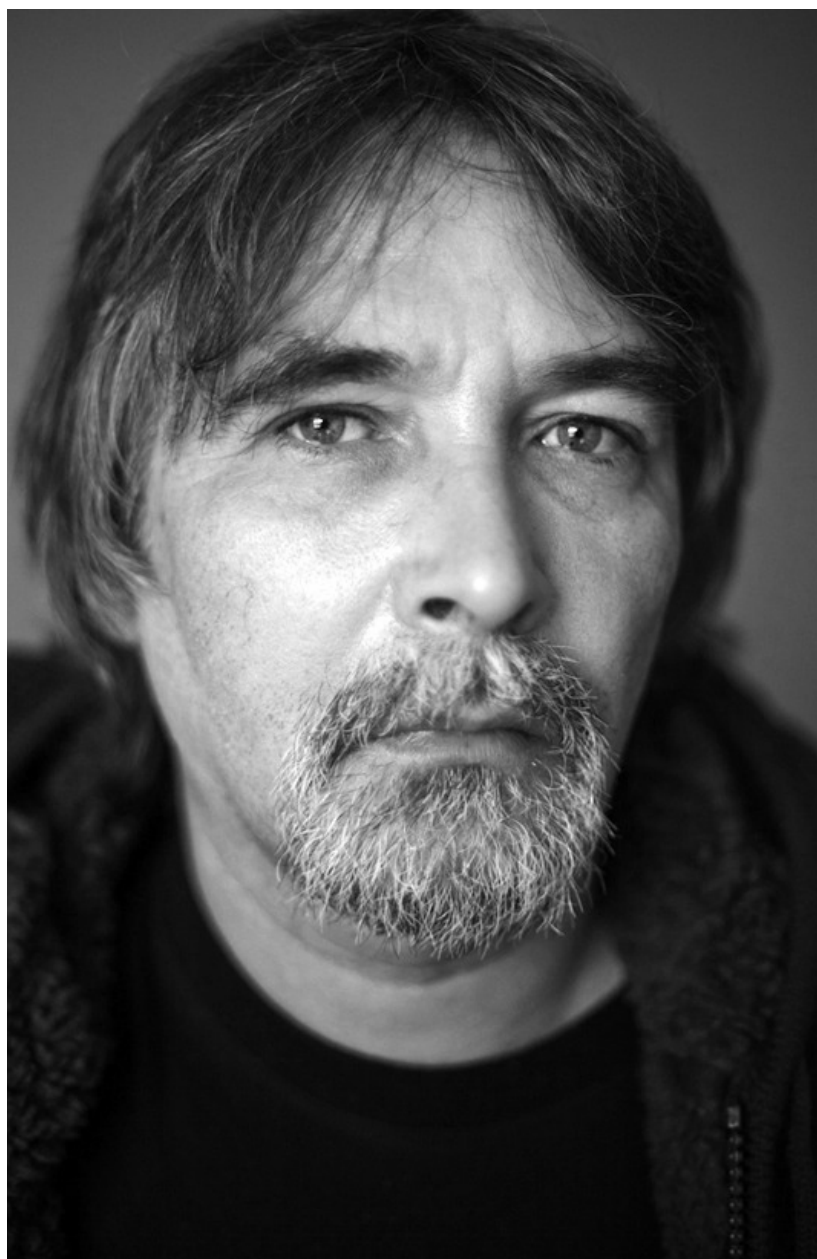
Звенят вилки. Публика, похоже, действительно не готова. А может, это просто не та публика. Орлов не смущается, он закрывает ноутбук и звонит по телефону управляющему.

◆

**МНЕ ПОНТЫ НЕ НУЖНЫ, НЕ НУЖНЫ ПОРТФОЛИО И
РЕЗЮМЕ. МЕНЯ НЕТ НА РЫНКЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ, Я КАК
БЫ НЕ РАБОТАЮ. В ТО ЖЕ ВРЕМЯ РАБОТАЮ ОЧЕНЬ
МНОГО**

— Бабла не будет? — спрашиваю я.
— Договорились, что будет 50% от гонорара. И я выступлю, когда соберутся те, кому интересно. А пока пойдем, выпьем вина с нормальными людьми.

Нормальные люди — это мужчина с тихим голосом и глазами цвета стали, который, собственно, сталью и занят, и его спутница — миниатюрная брюнетка из Харькова. Они не считают Орлова тупым стихоплетом. Они, как и многие,

усматривают в его творчестве глубокую философию, глубокий взгляд и способность выразить простыми словами то, о чем и подумать-то порой бывает сложно. На таких вот концертах и посиделках после Орлов обрastaет полезными знакомствами, которые нужны ему для реализации различных идей.

— Невозможно попасть к руководителю банка через банкомат на улице, но он может оказаться у меня на концерте, я с ним познакомлюсь и могу к нему потом прийти. И разговор со мной будет не такой, как с рекламным агентством. Вокруг много брендов, которые я придумал и, совершенно не парясь, отдал хозяевам.

— Например?

— Например, сеть аптек "36,6". Я не работаю в рекламе, но, если люди звонят и просят придумать слоган или логотип, делаю это в полном анониме. Мне понты не нужны, не нужны портфолио и резюме. Меня нет на рынке рабочей силы, я как бы не работаю. В то же время работаю очень много. Меня вот друзья попросили составить им путеводитель по Риму по книге Дэна Брауна "Ангелы и демоны". Я взял €500 и честно прочитал это говно с пометками. Могу послушать Стаса Михайлова, если мне скажут, для чего. Например, сделать анализ тупых фраз и плохих рифм. Я это сделаю, причем буду слушать с удовольствием.

— И сколько вам нужно заплатить за прослушивание Стаса Михайлова?

— Ну, учитывая, что это пара вечеров работы, включая аналитический продукт, то пару тысяч евро. Я не имею, пойми, ничего против Михайлова. Стасу спасибо. Люди, которые его слушают, судя по лицам в аудитории, могли бы заниматься намного худшими вещами в это время. Нужно оценивать социальную составляющую любого проекта.

Сейчас Орлов работает над проектом новой социальной сети. Ни с Мамутом, ни с Facebook, по его словам, он конкурировать не собирается, но хорошо работающей Сетки и миллиона пользователей ему, говорит, будет вполне достаточно.

— Ситуация сейчас такая, что если можно не делать социальную сеть, то лучше не делать. Что, так зудит?

— Нигде у меня не зудит. Вообще.

— Амбиции?

— Подожди секундочку. Я хочу в следующем году купить домик на Принцевых островах в Стамбуле с хорошим садом и видом на Босфор, который стоит примерно €500 000 — 600 000. Кредитов брать не хочу. Потому я сижу и цинично думаю. Смотрю на ниши мне доступные — реклама, консалтинг, информационное обеспечение...

◆

**НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НЕКОТОРЫЕ МОИ ПРОЕКТЫ
НЕВНЯТНОГО ХАРАКТЕРА, НО ТОМУ, КТО НЕ ПЕРЕВОДИТ
СТАРУШЕК ЧЕРЕЗ ДОРОГУ, СУМАСШЕДШАЯ БАБКА
НИКОГДА НЕ ОСТАВИТ МИЛЛИОН**

— Сколько, по-вашему, ваша соцсеть может стоить?

— \$1,5–2 млн.

— Кто на эту идею даст денег?

— Тут важно найти правильные инвестиции. Найти того, для кого это покупка будет естественной и для кого эта цена лежит в районе разумных трат. Таких людей в стране несколько сотен. Из них несколько десятков я близко знаю.

Орлова проще всего заподозрить во вранье. Он сыплет знакомыми и незнакомыми фамилиями, фактами, байками и анекдотами. Ситуация осложняется тем, что все, что он говорит, — это по большей части правда. Он ведь и вправду консультировал премьер-министра Казахстана, работал на выборах в Киргизии и даже пытался запустить сеть FM-радиостанций в Индии.

— Я мультипроектный человек. На первый взгляд некоторые мои проекты невнятного характера, но тому, кто не переводит старушек через дорогу, сумасшедшая бабка никогда не оставит миллион. Я всегда был уверен, что человек — существо горизонтальное, что он должен лежать в теплом месте с книжкой. Но так как пенсию себе платить буду я сам, то понимаю, что у меня есть ресурс организма — кузов на замену не сделаешь. Если разложить жизнь на семилетние циклы, то я живу сейчас в лучшем случае в середине предпоследнего активного. Когда можно танцевать, бегать голым по пляжу и очаровывать девушек. Я не знаком лично с людьми старше 63-х, которые на это способны. Кроме того, сейчас у меня предсвадебная ситуация. Моя женская половина, несмотря на то что сама зарабатывает, имеет планы. Деньги нужны на косметику, салоны красоты, маникюр. Не думал я еще год назад, что в моем бюджете появятся тампоны, колготки, лифчики.

Со своей невестой, девушкой модельной внешности Юлией, Орлов познакомился в Челябинске, где был на открытии радиостанции “Маяк”. Юлия училась на журфаке, а в свободное время работала мерчандайзером в табачной компании, чтобы скопить денег на поездку в музей Ватикана. То, что она прочитала про Орлова в интернете, конечно, взорвало юный девичий мозг.

Полгода Орлов и Юлия переписывались в Facebook, а потом один очень богатый местный бизнесмен сделал Юлии предложение, от которого в Челябинске опасно было

отказываться без уважительных причин. Орлов предложил уважительную причину — оформить помолвку. Теперь дело движется к свадьбе.

— Еще четыре года назад я и не знал, что начну новую жизнь, когда мои ровесники готовятся к пенсии.

— Молодая невеста мобилизует?

— Да, мне пришлось стать немного подвижнее, ведь вряд ли 20-летний человек ляжет со мной рядом в тапочках и будет смотреть никому не нужную телепрограмму. Но я рад, что девочка Юлия поддерживает мое хичхайкерство, ей нравится жить, веселиться, путешествовать вместе со мной без четкого плана.

Вечером мы едем с Орловым на “Красный Октябрь”, где допевает или допивает Юрий Шевчук. Завтра утром Орлов летит в Израиль совмещать полезное с приятным — читать на публике стихи и купаться в море.

— Да, я не системный достигатель, не всегда winner. Иногда внешне выгляжу как полный лузер. Мне говорят: “Если у тебя был рекламный бизнес, то где твой дом в Ницце, где твой первый миллион долларов, который ты заработал в начале 90-х?” По фигу мне миллион, потому что я видел многих людей, которые заработали сто миллионов и были убиты или посажены. Если сравнивать жизнь с путешествием на круизном пароходе, то какая бы роскошная каюта у тебя ни была, важнее возможность сойти в любом порту. ♦

Аккаунты:

facebook.com/people/Андрей-Орлов/818065577

orlusha.lj.ru

litprom.ru/profil42108.html

◆ ПРО МУЖЧИНУ НА БУЛЬВАРЕ ◆

По аллее по бульварной
Летним утром, в пять часов,
Вид имея нетоварный,
Шел мужчина без трусов.
Нес в руке кулек изюма,
Звали как-нибудь его,
Сверху ровно полкостюма,
Снизу — ровно ничего!
На лице улыбку счастья
Луч рассветный рисовал,
Выступающие части
Свежий ветер обдувал.
Где штаны его уснули,
Он решительно забыл,
Он шагал веселый (х...ле?)
К той, которую любил.
Знал: она ему откроет
И не станет морду бить,
А одежда — наживное,
Можно новую купить!

София Коппола

Источник:

<http://www.lookatme.ru/flows/kino/posts/106527-intervyu-s-sofiey-koppoloy>

Получив «Золотого льва», режиссер рассказывает о мире знаменитостей, моде и о том, как дети могут поменять нашу жизнь

— Одним из главных триумфаторов мира кино в сентябре стала София Коппола. Ее картина «Где-то» получила 11 сентября «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля, поставив режиссера в один ряд с лучшими мастерами кино прошлого. Новый фильм посвящен голливудской знаменитости, в чью безумную и пустую жизнь вмешивается маленькая девочка и ставит все на свои места. За 4 месяца до этого София так же сделала себе большой подарок — родила вторую дочь Козиму. Режиссер ответила на вопросы о мире знаменитостей, моде и детях.

Слава стала чем-то легко достижимым. Люди могут становиться знаменитыми, ничего не делая. И многие думают, что это может сделать их счастливыми.

— **Что вас так привлекает в мире знаменитостей?**
«Мария-Антуанетта» отчасти тоже была посвящена этой теме.

— Да, точно, я даже как-то об этом не подумала.

— И так же «Трудности перевода».

— Знаете, я просто росла в такой атмосфере. Это сильно повлияло на меня. Но я не думаю, что подсознательно в этом заинтересована. В «Где-то» я просто хотела сделать историю о реалиях современной поп-культуры. Все эти детки хотят быть знаменитыми, и мне показалось интересным, подсмотреть за тем, как идет и воплощается такая жизнь.

— Какая разница между культурой знаменитостей сегодня и в те времена, когда вы выросли?

— Я помню, как спокойно ходила по магазинам, когда мне было 19 лет и тогда практически не было папарацци, таблоидов и реалити-шоу. Это было невинное и личное время. И многое с тех пор поменялось. Слава стала чем-то легко достижимым. Люди могут становиться знаменитыми, ничего не делая. И многие думают, что это может сделать их счастливыми. Так что мне кажется, что сейчас все намного более преувеличено, чем тогда.

— Вы на себе ощущали статус знаменитости своего отца?

— Наша жизнь была довольно приватной, и мне не казалось, что за нами пристально наблюдают. Культура знаменитостей была под контролем. Но иметь отца в качестве селебрити и смотреть, как люди общаются с ним — это мне знакомо и это стало частью истории в «Где-то».

— Как вам кажется, как сегодня себя чувствуют ваши дети, растущие в похожих условиях?

— Наша семейная жизнь вполне нормальная. Так что я не чувствую себя открытой перед всем миром. В принципе я так же росла. Я всегда появлялась на съемках своего отца, а теперь и мои дети бегают по площадке. Это нормально.

— Ваше участие в индустрии моды сделало вас большей знаменитостью, чем многие современные режиссеры.

— Да, наверное. Но я вот не уверена, что взяла бы дочку на показ. Я стараюсь разграничить эти сферы жизни.

— И как именно вы это делаете?

— Ну, я стараюсь не знакомить ее с этим миром, не брать с собой, когда я работаю с модой.

— Как на вас повлиял ваш брат?

— Я чувствую, что мы очень близки, и мы постоянно меняемся идеями. Он старше меня, так что у него очень много опыта, и он помогает мне. Он живет в Лос-Анджелесе. Так что с «Где-то» он помог организовать мне весь съемочный процесс. И так же был первым, кому я показала сценарий. Я полностью доверяю ему, и мне кажется он тоже. Мой большой брат.

Когда я писала эту историю, то думала о влиянии, которое дети оказывают на взрослых. Это меняет твои приоритеты.

— Вы жили в Париже, когда к вам пришла идея этого фильма. Что вас привело в этот город?

— Мой парень француз. Так что я осталась там и родила дочь. Взяла отпуск на год и провела его вместе с ней. Затем я снова села за сценарий.

— В Париже?

— Ага. И тогда мне показалось интересным, сделать что-то

в Лос-Анджелесе, потому что к тому времени я уже от него отвыкла.

— Вы говорите по-французски?

— Не очень хорошо, но могу понять.

— Ваши дочери будут двуязычными? Где вы сейчас живете?

— Да. Старшая уже говорит на двух языках. Живем на два города: Нью-Йорк и Париж. Но я в Нью-Йорке.

— Откуда вы взяли такое имя для дочери — Козима?

— Мой двоюродный брат любит Вагнера. Так что это вдохновлено Козимой Вагнер. Но вообще, мне просто понравилось имя.

Я не такая суперпопулярная, что не могу позволить себе нормальную жизнь.

— А вы как-то ощущаете себя связанной с Италией?

Когда я в Америке, то чувствую себя очень итальянкой. Но когда в Италии, я американка. Мне кажется, что здесь есть связь. Для моего папы очень важно так себя идентифицировать. И поэтому мы тоже себя считаем итальянцами. Родственные узы играют большую роль для папы и для нас тоже, потому что он нас так воспитал.

— Вы сказали, что героиня девочки в «Где-то» была вдохновлена рождением второй дочери. Как опыт материнства влияет на вас.

— Это заставляет совсем по-другому смотреть на вещи и замедлять свою жизнь. Ты учишься ценить вещи, на которые обычно не обратил бы внимания. Живешь в темпе маленького человека, который открывает для себя в этом мире буквально все. Ты начинаешь смотреть на вещи по-новому. И когда я писала эту историю, то думала о том влиянии, которое дети

оказывают на взрослых. Это меняет твои приоритеты и те вещи, которые тебе кажутся важными. Именно это я имела в виду.

— А есть какие-нибудь позитивные аспекты жизни знаменитости. Что вам нравится в этом мире?

— Вы знаете, в принципе я не нахожусь в центре внимания. Но иногда в него попадаю, так что это дает некоторые возможности. Например, появляется доступ к нужным людям. Но я не такая суперпопулярная, что не могу позволить себе нормальную жизнь.

Да, да, я заставила его примерить 75 пар джинс для роли в «Где-то».

— Насколько сильно вы похожи на ту Софию Копполу, которая сняла фильм «Девственницы-самоубийцы»?

— Это было десять лет назад. Я надеюсь, что осталась той же, но так же уверена, что и поменялась.

— Какой бы совет вы могли дать себе десять лет назад?

— Ты вырастешь и во многом меняешься. Так что, если бы я знала тогда то, что знаю сейчас, то уже была бы другой. Но ведь именно весь этот опыт сделал меня той, кто я сейчас.

— На вас сильно повлияло то, что вы росли в отелях, постоянно путешествуя?

— Я рада, что смогла познакомиться с таким количеством разных культур и людей. Это вдохновляло меня и так же повлияло на меня, как на художника.

— Вы хотели бы заняться чем-то помимо кино?

Когда я была маленькой, я хотела стать медсестрой. Но в принципе я всегда хотела быть творческим человеком. Вначале рисовать, но у меня ничего не получилось. Кто-то мне сказал, что у меня просто нет таланта, и я очень расстроилась. Потом я увлеклась фотографией, сделала короткометражный фильм, и мне очень понравилось. Хотя я внутренне этому сопротивлялась, ведь все мои родственники занимаются кино, и хотелось найти другой путь. Но в кино слишком много вещей, которые мне нравятся.

— Вы так же еще и дизайнер?

Да, я сделала несколько сумок для Louis Vuitton.

— А до этого?

Ну, у меня была небольшая компания по производству одежды

в 20 лет. Мне нравился мир моды с самого детства. Я даже проходила практику в Chanel, когда мне было 16.

— Откуда этот интерес?

— Ну, как и у всех девочек. Хотя моя бабушка была очень гламурной, может это гены. Но вы знаете, когда у меня была эта компания, я поняла, что это вообще не про меня. Сейчас мне просто нравится работать с художниками по костюмам.

— А как вы попали в Chanel?

— У папы был друг, который там работал. И они брали детей на лето в дизайн студию с Карлом Лагерфельдом, в Париже. Это было потрясающе. Настоящая подростковая мечта стала явью.

— Актер Стефен Дорф рассказывал, что...

— Да, да, я заставила его примерить 75 пар джинсов для роли в «Где-то». Я очень придирчива. ♦

Райан Уилмс

Источник:

<http://www.lookatme.ru/flows/lad/posts/103647-inventory>

Блогеры LAD рассказывают про свой любимый журнал Inventory и беседуют с его главным редактором Райаном Уилмсом о мужском гардеробе.

Inventory — это печатный журнал про качественные мужские вещи и людей, которые их делают. Команда из трех мужчин выпускает журнал в Ванкувере, но изданные два номера с тиражом в восемь тысяч экземпляров читают знающие люди по всем миру.

Inventory наполнен материалами, интересными в первую очередь его создателям. «Рассказывать истории, которые мы сами хотим читать» — это осмысленный принцип работы. По большому счету, Inventory — про отношения между человеком и вещами, будь то рассказ про мастеров фабрики New Balance, интервью с создательницей бренда Margaret Howell или иллюстрированная подборка главных (по мнению редакции) вещей сезона.

Кроме подготовки печатного издания команда Inventory занимается своим блогом и магазином Inventory Stockroom в Ванкувере. Открыв его не так давно, ребята привезли сюда особо полюбившиеся вещи со страниц журнала. Здесь есть джинсы из премиальной линейки Levi's, пиджаки Engineered Garments и рубашки Beams Plus. Кроме того, Inventory периодически создает вещи в коллаборации с каким-нибудь брендом. Так появились, например, синие туфли Mark McNairy и

толстый кардиган Inverallan.

Райан Уилмс, занимающий в Inventory должности главного редактора и креативного директора, является еще и его идейным вдохновителем и мультидисциплинарным автором: он пишет тексты и фотографирует для немалой части материалов в журнале. Контрибьютор блога LAD Паша Осовцов из Freizeit поговорил с Райаном о журналах, мужской одежде и медведях.

— Сначала вы делали PDF-журнал h(y)r collective, а уже потом поменяли название на Inventory. С чем это связано? Произошла смена концепции или просто нашли более подходящее слово?

— h(y)r collective изначально планировался как онлайн-проект, это был единственный возможный путь развития для нас в то время. Я видел вокруг очень много брендов, дизайнеров и людей, которые были интересны мне и моим друзьям и о

ryan willms
creative director
publisher

ryan@hyrcollective.com

которых в то же время почти ничего не было известно за пределами Японии. Создание собственного журнала давало нам возможность встречаться и общаться с людьми, которые интересовали и вдохновляли нас, но это был лишь первый шаг. Когда я решил, что хочу делать журнал, стало понятно, что пора изменить название: h(y)r collective было все же чем-то очень личным, большинство людей не понимали, что это значит, даже не знали, как правильно произносится эта аббревиатура (звучит как “higher collective” — прим. автора). Мне хотелось создать что-то неподвластное времени, журнал, который будет новым именем на современном рынке и будет так же актуален и через двадцать лет. Inventory — это серьезный проект, дело жизни для меня на данный момент.

— А какие журналы читаешь ты сам?

Мне нравятся Monocle, Apartamento, Hobo, Fantastic Man, Les Cahiers Purple. Люблю полистать японские издания вроде Free&Easy и Honeyee. Я считаю, что Apartamento на данный момент делают действительно крутой журнал: у этих ребят есть четкое представление о том, как правильно позиционировать себя. Могу смело сказать, что это один из определяющих моментов в нашем деле.

— Каковы ближайшие планы на будущее у Inventory Stockroom? Со временем он станет полноценным магазином или так и останется небольшой площадкой?

— Конечно, мы собираемся расти. Но постепенно. Мы уже добавили в наш бренд-лист Engineered Garments и Beams Plus, также планируем расширять селекцию по Nigel Cabourn и Margaret Howell. Вплоть до следующей весны мы будем заниматься коллаборациями с небольшими брендами, которые нам нравятся, это будут проекты вроде тех, что мы уже делали с Duluth и Gitman Bros. По большому счету нам осталось заполучить всего пару брендов для Inventory Stockroom, время покажет,

удастся ли нам сделать это.

— Скажи, у мужчины должно быть много одежды?

— Я не считаю, что необходимо иметь большой гардероб. Это отражает ваше личное отношение к одежде, все зависит от человека. В свое время я купил кучу вещей, которые так ни разу и не надел. Однако я продавал их, продолжал поиски собственного стиля и в конечном счете пришел к тому, что искал. У меня в шкафу куча очень похожих вещей, но это мой выбор. Гардероб каждого мужчины в чем-то отражает его личность, и я не исключение.

— Какие тебе нравятся дизайнеры? Давай по именам.

— Первый в моем списке Дайки Сузуки (Daiki Suzuki). Я люблю Engineered Garments. Маргарет Хоуэлл (Margaret Howell) и Найджел Кабурн (Nigel Cabourn) также очень талантливые люди, которые мне очень интересны, Ёки Матсуда (Yuki Matsuda) — замечательный, крайне интересный человек и отменный

дизайнер. Уверен, что есть еще много других не менее выдающихся людей, которые создают не менее интересные вещи, однако это мой список, мой личный топ, не более того. Одна из причин по которым я выделил именно этих людей — я их не считаю просто дизайнерами. Они делают больше, чем дизайн, они создают атмосферу вокруг собственных брендов, эстетику, который проникаются люди и я в том числе, а это действительно важно. Все они одновременно и дизайнеры, и креативные директора, и стилисты. Во многом именно поэтому их марки интересны людям.

— Что касается рубашек: клетка или полоска?

— Предпочитаю полоску, клетку ношу крайне редко. Обычно ношу однотонные сорочки. Но это уже дело вкуса.

— Что ты знаешь о России? Водка, белые медведи?

— Ассоциативный ряд забавный, но я все же человек с широким кругозором, такая чепуха в голову мне не приходит. Я никогда не был в России, должен признать, мало что знаю об этой стране. Думаю, что у вас полно возможностей для развития нишевых рынков во всех сферах, но это скорее догадка, чем знание. Что еще... Мой отец был в Мурманске, когда служил в торговом флоте. Кстати, а белые медведи прямо в Москве живут? ♦

Interviewer

3/2011

<http://interviewer.morochkovsky.ru/>